

Александра Горяшко

Сам Бог велел

Монастыри и охрана природы в прошлом и настоящем

О Боже, расшири в нас чувство товарищества со всеми живыми существами, с нашими меньшими братьями, которым Ты дал эту землю, как общий дом с нами. Да уразумеем, что они живут не для нас только, но для себя самих и для Тебя, что они наслаждаются радостью жизни так же, как и мы, и служат Тебе на своем месте лучше, чем мы на своем.

Св. Василий Великий

В последние годы термин «экология» прочно вошел в обиход церкви, ее служители все чаще обращаются к экологической тематике. Статьи на эту тему стали периодически появляться в «Журнале Московской патриархии», а Русский христианский гуманитарный институт даже выпустил сборник «Христианство и экология». Во всех этих изданиях активно обсуждается вопрос, который огрубленно можно сформулировать так: определил ли Бог человеку господствовать над природой или он придавал равное значение всем тварям своим?

Наряду с этим в среде специалистов разгорается идеологическая дискуссия между сторонниками традиционного, научного подхода к охране природы (осуществляемого в большинстве заповедников) и адептами нового взгляда. Последние предлагают создать из природы некий культ, абсолютную и неприкосновенную святыню, а научный подход считают прямо-таки кощунством. Симптоматично, однако, что как в первом, так и во втором случае копыла ломаются на чисто теоретической почве и при этом обе «воюющие» стороны как-то забывают, что истории церкви и охраны природы переплелись давно и не в теории, а на деле.

В 1913 году Г. А. Кожевников опубликовал статью «Монастыри и охрана природы». Соседство двух понятий, вынесенных в заглавие, не было фантазией автора. Профессор зоологии, теоретик и практик заповедного дела, он еще в 1908 году выработал тезисы, которые до сих пор служат основополагающими принципами работы заповедников. Григорий Александрович утверждал, что «важно подходить к вопросу охраны природы с широкой принципиальной точки зрения, а не смотреть узкоутилитарно».

Всю жизнь Г. А. Кожевников искал и находил самые разнообразные возможности для расширения и поддержания дела охраны природы. В числе прочего, он ясно видел и убедительно обосновал естественность и необходимость охраны природы в монастырях и силами монастырей.

Но прежде чем обратиться к соображениям профессора Кожевникова, заглянем во времена еще более далекие. История русской церкви дает массу иллюстраций для нашей темы. Рай, наполненный пением птиц и благоуханием цветов, Рай, в котором мирно и благостно соседствуют человек и природа, — не он ли тот самый первый

заповедник, к идиллии которого мы все стремимся, как верующие, так и неверующие? Конечно, неверующий человек имеет полное право считать описания Рая красивой, но абсолютно беспочвенной выдумкой. Однако нет сомнений, что некоторые верующие пытались претворить ее в жизнь — как умели. Их попытки нашли свое отражение в житиях святых, которые, по крайней мере, частично основаны на реальных событиях, пусть и приукрашенных, преувеличенных последующими пересказами.

Жития свидетельствуют о доверии, возникавшем между животными и монахами. Основатель Троице-Сергиевой лавры, преподобный Сергей Радонежский (1319–1392), подал инокам пример ухода в лесные пустыни. Преподобный Сергей начал свой подвиг в полном уединении. Только дикий лес и дикие звери окружали его: «Посещали его и медведи. Один медведь целый год приходил к нему, и пустынный делился с ним последним куском хлеба, когда же у него бывал лишь один кусок, он отдавал его медведю, а сам оставался голодным, потому что зверь неразумен и не понимает необходимости терпения и воздержания».

Около двух лет прожил преподобный Сергей в одиночестве. «Слух про-

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

хантов, и часть территории заповедника «Лес на Ворскле» на месте Тихвинской девичьей пустыни, и одно из лесничеств Кандалакшского заповедника на Айновых островах, которыми владел раньше Трифоно-Печенгский мужской монастырь. Перечень можно продолжить.

Подобные территориальные совпадения конечно же не случайны. Достаточно привести пример Кандалакшского заповедника, созданного в 1932 году для охраны гаги. Как ни странно, он продолжил именно монастырские традиции: ведь до создания заповедника реальная охрана гаги на Белом и Баренцевом морях осуществлялась только во владениях Соловецкого монастыря в Онежском заливе Белого моря и Трифоно-Печенгского монастыря на Айновых островах Западного Мурмана.

В монастырских владениях гага стала практически домашней птицей, здесь существовало прекрасное гагачье хозяйство. Причем было все это во времена сравнительно недавние и подтверждено документально (Некрасов М.К. Опыт одомашнивания гаги в Соловецком биосаде // *Живая природа*, 1925, № 2,). А ведь гага птица пугливая, к соседству с человеком не склонная. После исчезновения монастырей подобные отношения с ней в нашей стране не удавались больше никому, хотя стараниями сотрудников Кандалакшского заповедника местная популяция гаги стала одной из крупнейших на территории России (см. «Химию и жизнь», 2002, № 5).

Теперь, после исторического экскурса, можно вернуться и в начало XX века.

Статья профессора Кожевникова базировалась на конкретных данных — на данных, как сказали бы сегодня, социологического опроса.

В начале сентября 1913 года Русский орнитологический комитет по инициативе Б.М.Житкова разослал обращение к настоятелям русских мужских монастырей: «Русский орнитологический комитет, озабоченный выяснением вопросов об охране птиц в Российской империи, обращается с

покорнейшей просьбой не отказать в уведомлении, есть ли... в Вашем монастыре угодья, на которых воспрещалась бы охота и ловля птиц а равно и том, какое население животными и птицами находится в этих угодьях. Поручая себя молитвам монастыря, «Р.О.К.» уверен, что с Вашей помощью ему удастся выяснить необходимое для богоугодного дела защиты животного мира и выработать необходимые к тому мероприятия» Послания были направлены в 46 монастырей, ответы пришли из двадцати одного.

«Расположенные весьма часто в местах глухих и всегда имеющие земельные, в том числе обычно лесные участки, иногда весьма значительной величины, монастыри поставлены в самые благоприятные условия для устройства заповедников. Кроме запрещения охоты, можно было бы подумать и об устройстве на некоторых монастырских участках полных заповедников, в которых и растительный мир оставался бы в неприкосновенности, не подвергаясь хозяйственной эксплуатации», — пишет Г.А.Кожевников. Ответы, полученные из монастырей, показали, что большинство из них подобные инициативы поддерживает, а порой и уже осуществляет.

Так, в письме от настоятеля Соловецкого монастыря (Архангельской губернии) говорится: «Хотя во владениях монастыря на островах имеются птицы, как-то: куропатки, тетерева, рябчики, но *охота и ловля на них никогда не производится* (здесь и далее выделено автором. — А.Г.)». От настоятеля Дивногорского монастыря (Воронежской губернии) получен такой ответ: «Население птиц следующих пород: гуси, утки (разных пород), куропатки, бекасы, вальдшнепы, дупеля и др. и *охота на них мною воспрещена во всякое время года*». От наместника Веркольского монастыря (Архангельской губернии): «На всех принадлежащих Веркольскому монастырю угодьях *охота и ловля птиц безусловно воспрещена*. Призывая на столь Богоугодное дело Божие благословение, монастырь очень сожалеет, что не может быть чем-либо по-

несся о святом пустыльнике, и начали к нему собираться монахи. Собравшаяся братия умоляла святого быть наставником. Монастырь был построен. Сразу за изгородью монастыря шумел тогда нетронутый лес. Здесь люди и природа жили в согласии, следуя примеру святого подвижника».

А вот что говорится о преподобном Германе Аляскинском: «Около его келии жили горностаи. Эти зверьки отличаются своей пугливостью. Но они прибегали к преподобному Герману и ели из его рук. Видели, как преподобный Герман кормил медведя». Бесчисленное множество подобных рассказов можно найти в житиях святых. Впрочем, для тех, кто склонен считать и жития ни на чем основанной сказкой, следует привести абсолютно достоверные исторические факты, а таких фактов тоже немало.

Весьма примечательно, что часть современных заповедников и национальных парков располагается там, где раньше были священные языческие объекты или угодья православных монастырей. Это и национальный парк «Святые горы» на месте Святогорского монастыря, и заповедник «Малая Сосьва» в священном месте

лезным Русскому орнитологическому комитету». Настоятель Печенгского монастыря пишет: «Трифано-Печенгским монастырем с 1903 г. монастырскими людьми охраняются от охоты и ловли птиц и разорения гнезд иностранцами и жителями окрестных прибрежных мест в течение вешних и летних месяцев, принадлежащие искони Печенгскому монастырю, Айновы острова большой и малый».

Были, правда, и ответы, где сообщалось, что «при монастыре никаких угодий, на которых воспрещалась бы охота и ловля птиц, не имеется», но встречались и письма, в которых ощущалась искренняя заинтересованность. «Монастырю крайне бы желалось воспретить в своих угодьях охоту на птиц, но обитель не имеет возможности осуществить свои пожелания. Поставить охранную стражу нет средств, а словесное запрещение не имеет никакого значения. Привлекать же охотников к суду тоже неудобно для монастыря, ибо камера мирового судьи находится в 90 верстах от монастыря. Да и не монашеское дело судиться. Соболаговолите уведомить, какие возможно принять меры к охранению птиц, и монастырь с глубочайшей благодарностью воспользуется ими», — пишет настоятель Кожозерского монастыря (Архангельской губернии).

Обсуждая возможность создания монастырских заповедников, Г.А.Кожевников учитывал в том числе и интересы веры, старался опереться на них: «Устройство заповедника вполне согласуется с самой идеей монастыря, для которого общение с нетронутой, первобытной природой дает превосходную почву для созерцания и самоуглубления, а хозяйственная эксплуатация природы, наоборот, вводит в круг мирской суеты, от которой бежит монашествующий, соприкасает его с денежными интересами, с вопросами продажи, прибыли, наживы, столь чуждыми идее иночества. Я даже иду далее. Я полагаю, что среди иноков могут найтись такие, которые начнут присматриваться к жизни природы и делать над нею некоторые наблюдения, например, метеорологические, фенологические, т.е. наблюдения над ходом

таких явлений, как зацветание и отцветание растений, первое появление некоторых животных после таяния снега и т.п. Знакомство с естествознанием, познание природы, не должно ни коим образом считаться несовместимым с благочестивой жизнью в монастыре».

И надо сказать, что к моменту написания статьи, смелые, казалось бы, пожелания профессора уже иногда воплощались на практике. Среди иноков действительно (и не однажды) находились такие, которые начи-

нали «присматриваться к жизни природы и делать над ней наблюдения».

Весьма заметная фигура в истории Соловецкого монастыря — архимандрит Мелетий. Именно со временем его правления связан расцвет знаменитой Соловецкой биостанции (1881–1898). Архимандрит был прекрасно образованным и прогрессивным человеком. Он планировал вселение нескольких видов рыб в многочисленные озера Соловецких островов, разрабатывал охранные меры по отношению к гаге и всячески способствовал устройству

биологической станции на территории монастыря (см. «Химию и жизнь», 2001, № 5). Кстати, весьма красноречивый факт: Мелетий был почетным членом Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей.

А вот что рассказывает исследователь Арктики, художник Н.Пинегин, посетивший в 1909 году владения Трифоно-Печенгского монастыря на Айновых островах: «Он (монах. – А.Г.) знает наперечет все гагачьи гнезда “Этим время и коротаем; каждый раз, как из избы выйдешь, новую ея пичужью повадку узнаешь; пойдешь по острову, поищешь нет ли где нового гнездышка у «гакхи»; которая глупая застудит, новых ей от несущейся положишь; каждый раз новый обычай увидишь; верно это, к примеру посмотри, которая знает дело свое: полетела с гнезда написать или за иным каким делом, сейчас носом пух на яйца напихнет, закроет, значит, чтобы не стыли, и удивляешься, сколько, можно сказать, понятия! — иль посмотрел бы, как тупик нору новую роет; нос, сам видал, как лопата острая; носом копает, а лапами землю выгребает, а другие смотрят кругом не прорыл бы ихнюю нору, наблюдают за своим добром!”»

Как видно из этого описания, наблюдательность монаха вполне соответствует уровню хорошего полевого орнитолога. Так что, возлагая надежды на служителей церкви, Кожевников не ошибся.

Прав он оказался и в прогнозе на будущее: «С ростом городов, с чрезмерным возрастанием в них шума и суеты, монастыри должны бежать из городов в глушь, в незаселенные еще дебри лесов, и там, получивши в свое владение большие участки, должны хоть часть их превратить в заповедники, сохраняя для грядущих поколений не только образец благочестивой жизни, но и нетронутую рукой промышленника первобытную природу».

Опыт сохранения первобытной природы для грядущих поколений у монастырей и в самом деле имеется. Н.Пинегин в своей статье 1909 года свидетельствует о немалой роли в этом важнейшем деле Печенгского монастыря: «Птицы до тех пор, пока не было издано в Норвегии закона (1702 г.), запрещающего истребление гаг, на островах было еще больше, чем в настоящее время; после же издания закона норвежцы стали ездить к нам на Айновы острова и выбивать гаг для пуха, не щадя и яиц. Вскоре жизнь на островах стала вымирать Печенгский монастырь, восстановленный в начале 80-х годов, начал усиленно хлопотать об

отводе в его собственность многих незаселенных мест у Мурманского берега, в том числе и Айновых островов, мотивируя последнюю просьбу главным образом тем, что гаги, предоставленные сами себе, уничтожаются без охраны и скоро совершенно исчезнут. Монастырь обещал охранять их от истребления По Высочайшему указу монастырю были отданы острова Распуганные гаги только в последние годы начали вновь селиться в более значительных количествах и с каждым годом более и более».

«Специально для устройства заповедников монастыри вполне удобны потому, что являются учреждениями прочно поставленными, обычно солидно обеспеченными и имеющими полные шансы на неопределенно долгое благополучное существование. Идея монашества, удаление от суеты и скверны мирской всегда будет иметь своих приверженцев, так как в основе этой идеи лежит высокий порыв, идеальные стремления к духовному совершенству, которые составляют характерную особенность человека и, надо надеяться, никогда не заглохнут» — так завершает свою статью профессор Кожевников. И в главном он оказался прав: идеальные стремления и высокие порывы людей не заглохли, несмотря на все перипетии российской истории, и факты свидетельствуют о том, что монастыри по-прежнему проявляют большой интерес к охране природы. Вот лишь некоторые факты.

В 1980-х годах Харьковская епархия перечислила одну тысячу рублей в Фонд охраны речки Берестовая.

Архиепископ Саратовский Пимен написал специальную проповедь «Красота природы».

Киевские священнослужители устроили экологическую тризну в знак протеста против вырубki местными властями части городского парка.

Пюхтинский женский православный монастырь в Эстонии выступил в роли спонсора тульской экологической газеты «За выживание».

Свято-Введенский Толгский монастырь проводит мероприятия по сохранению кедровой рощи. Работа выполняется с благословения архиепископа Ярославского и Ростовского Михея при непосредственной поддержке настоятельницы Свято-Введенского монастыря игуменьи Варвары.

И напоследок еще один яркий и очень показательный пример.

В 1996 году Волжско-Камский заповедник в Татарии и находящийся на его территории монастырь заключили договор о сотрудничестве и взаимопомощи. По словам директора за-

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

поведника Юрия Александровича Горшкова, взаимный интерес объединяет природоохранное учреждение и монастырь уже в силу исторических причин. Ведь монастырь немислим без окружающих его живописных лесов и озер, сохранением которых занимается заповедник. С другой стороны, именно благодаря монастырю уцелели старовозрастные леса, составляющие ядро Раифского участка заповедника.

А на современном этапе стало ясно, что у столь разных «ведомств» есть и другие общие интересы. Неудивительно, что настоятель монастыря архимандрит Всеволод является членом ученого совета заповедника: одно из направлений совместной деятельности — подготовка проекта создания Центра природного и культурного наследия.

После знакомства со всеми перечисленными фактами противоречие «научного» и «святого» в деле охраны природы кажется, мягко говоря, надуманным. Вряд ли нормальный биолог согласится вместо научных исследований заняться трепетным поклонением природе как святыне. Вместе с тем тот же нормальный биолог никогда не станет без нужды истреблять живое и сделает все от него зависящее для сохранения природы.

Невозможно относиться к природе бережно и нравственно по команде, какими бы убедительными рассуждениями такие призывы не подкреплялись. А вот работа биолога, особенно полевого биолога, сама по себе способствует развитию нравственного отношения к природе, да и попросту немислима без этого отношения. С другой стороны, жизнь в уединенных монастырях способствует, по всей видимости, развитию наблюдательности и внимания ко всему живому.

Так что, может быть, не стоит тратить пыл на теоретические дискуссии. Лучше проявить внимательное и бережное отношение не только к природе, но и к тем росткам взаимопонимания и взаимопомощи, которые прорастают повсюду, сами собой.

